

Репродуктивные права граждан: содержание и реализация

Г. В. Станкевич

доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник департамента координации научно-исследовательской
и инновационно-проектной деятельности в специалитете, магистратуре и аспирантуре
Пятигорского государственного университета.

Адрес: ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»,
57532, Ставропольский край, Пятигорск, проспект Калинина, д. 9.

E-mail: stankevich.g@yandex.ru

А. А. Яблонская

магистрантка юридического института Пятигорского государственного университета.

Адрес: ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»,
57532, Ставропольский край, Пятигорск, проспект Калинина, д. 9.

E-mail: anastasia.11081995@yandex.ru

Reproductive Rights of Citizens: Content and Implementation

G. V. Stankevich

Doctor of Political Sciences, PhD, Associate Professor,
Leading Researcher of the Department of Coordination of Research and Innovation and Project Activities
in the Specialty, Master's and Post-Graduate Studies of the Pyatigorsk State University.

Address: Pyatigorsk State University, 9 Kalinin Avenue 57532, Pyatigorsk,
Stavropol Territory, Russian Federation.

E-mail: stankevich.g@yandex.ru

A. A. Yablonskaya

Master's Student of the Law Institute of the Pyatigorsk State University.

Address: Pyatigorsk State University,
9 Kalinin Avenue, 57532, Pyatigorsk, Stavropol Territory, Russian Federation.

E-mail: anastasia.11081995@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается содержание термина «репродуктивные права» в контексте международных документов и российского законодательства, а также анализируется специфика их реализации в целом и в сфере применения вспомогательных репродуктивных технологий в частности. Предметом исследования является механизм правовой регламентации репродуктивных прав человека, их содержание и порядок реализации. В целях анализа выбранной проблематики использованы такие методы, как сравнительно-правовой, правовое моделирование, системный анализ. Научная новизна выбранной тематики определяется недостаточностью исследования сферы репродуктивного права и способов его реализации. В статье предпринята попытка охарактеризовать современное состояние данного института, а также предложены возможные направления его развития. Проведенный анализ позволил сформулировать вывод о том, что необходимо внести изменения в действующее семейное законодательство, закрепив равенство прав мужчин и женщин на использование репродуктивных технологий независимо от факта наличия брачно-семейных отношений. При этом следует принять самостоятельный нормативно-правовой акт, регулирующий правовые отношения в сфере репродуктологии. В свою очередь правовое просвещение населения в области репродуктивных прав позволит повысить рождаемость в стране.

Ключевые слова: семейное законодательство, репродуктивное здоровье, вспомогательные репродуктивные технологии, медицинское право, репродуктивные инструменты, материнство, отцовство.

Abstract

The article examines the content of the term "reproductive rights" in the context of international documents and Russian legislation, as well as analyzes the specifics of their implementation in general and in the field of assisted reproductive technologies in particular. The subject of the study is the mechanism of legal regulation of reproductive human rights, their content and the order of implementation. In order to analyze the selected issues, such methods as comparative legal, legal modeling, and system analysis were used. The scientific novelty of the chosen topic is determined by the lack of accuracy of the study of the sphere of reproductive law and ways of its implementation. The article attempts to characterize the current state of this institution and suggest possible directions for its development. The analysis made it possible to formulate a conclusion that it is necessary to amend the current family legislation, consolidating the equality of the rights of men and women to use reproductive technologies, regardless of the fact of the existence of marital and family relations. At the same time, it is necessary to adopt an independent regulatory legal act regulating legal relations in the field of reproduction. In turn, legal education of the population in the field of reproductive rights will increase the birth rate in the country.

Keywords: family law, reproductive health, assisted reproductive technologies, medical law, reproductive instruments, motherhood, fatherhood.

Проблема репродуктивных прав – одна из самых актуальных в контексте стремительно развивающихся биомедицинских технологий. Их появление позволяет перейти к более инновационной фазе оказания медицинской помощи и предоставлять потенциальным пациентам определенные услуги, которые ранее были невозможны. Хотя сексуальное и репродуктивное здоровье и права (СРЗП) получают все большее признание на международной арене, их эволюция не обошлась без споров [8. – С. 2]. Сегодня среди юристов и теологов ведется много споров о методах биомедицины в отношении их этичности и законности. Тем не менее развитие правомочий не может рассматриваться изолированно, их нужно анализировать как часть более широких социальных и политических движений, идеологий и религий.

Сфера регулирования репродуктивных прав находится на перекрестке медицинского и семейного права и включает, в частности, право граждан реализовать свое желание стать родителями. Но в силу определенных обстоятельств, как медицинских, так и социальных, многие люди могут об этом только мечтать. Поэтому им на помощь приходят технологии вспомогательной репродукции (ВРТ).

В современной действительности бесплодие – проблема не менее 15–20% населения, и с каждым годом это число растет. Согласно реестру Российской ассоциации репродукции человека (РАРЧ), с января 2020 г. в России прошло 902 578 циклов ВРТ, благодаря которым родились 225 354 детей. В июне 2020 г. министр здравоохранения Российской Федерации Михаил Мурашко отмечал, что в 2019 г. в России по базовой программе ОМС было проведено около

80 тысяч циклов экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), что на 15% больше, чем в предыдущем 2018 г.

В последнее время граждане часто прибегают к использованию репродуктивных инструментов и впоследствии реализуют свои репродуктивные права.

Что касается определения концепции репродуктивных прав, следует обратиться к мировому и российскому опыту регулирования этой сферы.

Термин «репродуктивные права» еще не получил определения ни в одном международном правовом акте, регламентирующем права человека. Однако в Конвенции о правах инвалидов в статье 23 (1) (b)¹ закрепляется правомочие на просвещение по вопросам воспроизводства и планирования детей, обеспечивая реализацию которого государства-участники принимают эффективные и надлежащие меры для ликвидации дискриминации в отношении инвалидов в вопросах, касающихся брака, семьи, отцовства, материнства и личных отношений на той же основе, что и другие, гарантируя право лицам с ограниченными возможностями самостоятельно принимать решение по вопросам продолжения рода, а также иметь возможность получать информацию о репродуктивном поведении, планировать семьи с учетом определенных особенностей и предоставление средств, позволяющих им осуществлять эти права.

В практике Всемирной организации здравоохранения репродуктивные права обоих полов

¹ См.: Конвенция о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 6. – Статья 468.

толкуются как право на доступ к информации, свободный выбор оптимальных способов контроля рождаемости, на получение качественных медицинских услуг, в том числе по сопровождению беременности и родовспоможению и на предоставление условий всем желающим родить потомство с крепким здоровьем [1. – С. 106].

Вместе с тем содержание и сфера охвата репродуктивных прав остаются дискуссионными. По этому поводу есть две позиции.

Так, одна группа ученых утверждает, что репродуктивные права основаны только на признании репродуктивного выбора. С их точки зрения имеет место ограничение таких прав для лиц, не состоящих в законном браке. Статья 16 (1) (е) Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW)¹ гарантирует право каждой супружеской паре, а также лицам, не состоящим в браке, свободно принимать решение о воспроизводстве потомства, его количестве, получать достоверную информацию о репродуктивном здоровье. Этот относительно ограниченный взгляд на репродуктивные права включает в себя следующие основные составляющие:

- право на вступление в брак (статья 16 CEDAW, статья 32 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП)²;

- право ответственно, самостоятельно и свободно решать вопрос о числе детей и временных промежутках между их рождением (статья 16 CEDAW, статья 24 Конвенции о правах ребенка³, статья 17 МПГПП и статья 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (МПЭСКП)⁴;

- правомочие на доступ к информации о планировании семьи и образованию (статья 16 CEDAW, статья 13 Конвенции о правах ребенка и статья 13 МПЭСКП);

- право на доступ к инструментам, технологиям и услугам запланированного родительства (статья 16 CEDAW, статья 24 Конвенции о правах ребенка и статья 12 МПЭСКП) [3. – С. 62].

Сторонники этой узкой позиции не исключают возможности того, что другие права могут быть связаны со свободой воспроизведения или выбора, поскольку разнообразие того или иного права влияет на репродукцию.

Другие ученые являются сторонниками расширительного толкования репродуктивного права. По мнению сторонников этой позиции, эта сфера свободы человека включает в себя и те возможности, которые закреплены и обеспечены в законодательстве современных государств и нормах международного права. К ним относятся Всеобщая декларация прав человека (1948 г.)⁵, Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.), Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979 г.), Конвенция о правах ребенка (1989 г.) и др. Ученые и организации, поддерживающие эту позицию, выделяют 12 правомочий в контексте репродуктивных прав:

- 1) право на жизнь, включающее право не умирать, если это происходит в отношении предотвратимых причин в связи с беременностью;

- 2) право на здоровье, включая право на репродуктивное здоровье;

- 3) право на личную свободу, безопасность и неприкосновенность, в частности, право не подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению;

- 4) право на свободу от сексуального и гендерного насилия;

- 5) право определять перерывы между рождением детей, в том числе правомочие на репродуктивную самоидентификацию и право выбора в области планируемого родительства;

- 6) право на неприкосновенность частной жизни, охватывающее право принимать решения свободно и без произвольного и несанкционированного вмешательства в их репродуктивные функции;

¹ См.: Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Нью-Йорк, 18 декабря 1979 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1982. – № 25. – Статья 464.

² См.: Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Статья 291.

³ См.: Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 45. – Статья 955.

⁴ См.: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17 (1831).

⁵ См.: Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. – 1998. – 10 декабря.

7) право на недискриминацию, включая право на равенство в жизни и репродуктивном здоровье;

8) право согласия на брак и равенство в браке, содержащее в себе правомочие решать вопросы, касающиеся репродуктивной функции человека, право на расторжение и на аннулирование брака, а также право быть в возрасте дать согласие на вступление в брак и создать семью.

9) право на трудоустройство и социальное обеспечение, включая право на правовую защиту материнства, право на работу в условиях без сексуальных домогательств, не подвергаться дискриминации по признаку беременности;

10) право на образование и информацию, охватывающее право быть осведомленным и в сфере репродукции и сексуального здоровья без дискриминирования и право на информацию о своем здоровье, правомочие на знание своих прав и обязанностей в вопросах сексуальности и репродукции, рисков и эффективности фертильности, методов контроля рождаемости и последствий беременности;

11) право на свободу от практики, причиняющей вред женщинам и девочкам, включая обычаи и традиции, наносящие ущерб репродуктивным правам женщин и девочек;

12) право готовиться к использованию результатов научного прогресса, включая улучшение технологий воспроизводства человека, а также право не быть объектом экспериментов в этой области [7. – С. 3].

Таким образом, существует несколько подходов к пониманию содержания репродуктивных прав. И практика государств в этом вопросе дифференциальная. Проанализируем, какие репродуктивные права существуют в России и как они применяются.

Человек (гражданин) является субъектом определенных правоотношений, а значит, предстает носителем соответствующих прав, свобод и обязанностей. Все они внесены в Конституцию Российской Федерации, в том числе права на репродукцию.

Репродуктивные правомочия – это юридические возможности определять факт и момент рождения ребенка, объем необходимой информации и средств [2. – С. 7]. Они выражаются в синтезе полномочий: право на жизнь (статья 20), на защиту личного достоинства (статья 21), на неприкосновенность личности (статья 22), неприкосновенность частной жизни (статья 23), на по-

лучение информации (статья 29), государственную защиту детей и семьи (статья 38), на охрану здоровья и получение медицинской помощи (статья 41)¹.

На основе вышесказанного можно утверждать, что репродуктивные права заключают в себе право контролировать рождаемость с помощью методов регулирования, безопасных для здоровья, а также возможность получать квалифицированную медицинскую помощь. Поэтому для людей, которые хотят создать семью и стать родителями, наличие репродуктивных прав позволяет им достичь высокого уровня репродуктивного здоровья, справиться с бесплодием и т. д.

Проблема нормативно-правового регулирования вопросов репродуктивного здоровья была поднята на Международной конференции по народонаселению и развитию (МКНР), состоявшейся в сентябре 1994 г. в Каире, и получила дальнейшее развитие в Докладе Четвертой всемирной конференции по положению женщин и в принятой конференцией платформе действий. Российская Федерация тоже подписала его наравне с другими 180 странами мира.

Конференция МКНР ознаменовала золотой век правозащитников сексуального и репродуктивного здоровья и прав (СРЗП). На ней были приняты важнейшие определения и решительные политические обязательства. После Конференции последовал период застоя до 2016 г.

Тем не менее с 1994 г., используя МКНР в качестве основы, агентства ООН подталкивают государства к принятию основанного на правах человека подхода ко всем программам, особенно тем, которые связаны с СРЗП [8. – С. 13].

Если обратиться к российскому законодательству и проанализировать нормативные акты, принятые Российской Федерацией в этой сфере, можно заметить, что в нем нет определения репродуктивных прав, а также имеет место ограничение возможностей мужчин и женщин при реализации репродуктивных прав.

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 1 июля 2020 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31. – Статья 4398.

В соответствии со статьей 56 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹, женщина вправе самостоятельно принимать решение о материнстве. Искусственное прерывание беременности осуществляется по желанию женщины при наличии ее добровольного согласия. Конечно, предоставленное женщинам право о материнстве не есть единственное правомочие, так как оно включает в себя и право сохранить беременность, и право на искусственное оплодотворение, имплантацию эмбриона, медицинскую стерилизацию. Кроме того, предоставленные женщинам репродуктивные права обуславливают наличие права на информацию о методах контрацепции, на получение качественных медицинских услуг по сохранению беременности и безопасным родам, что сокращает риски рождения нездорового ребенка [6. – С. 70].

Относительно репродуктивных прав мужчин следует отметить, что в действующем законодательстве они не получили должного правового регулирования. В качестве примера следует привести нормы статьи 56 Федерального закона № 323-ФЗ, которые в решении вопроса беременности перекладывают все бремя ответственности на женщину. В конечном итоге в конкретных обстоятельствах вопрос об информированности отца ребенка о наступившей беременности остается открытым. Законодатель не обязывает женщину сообщать потенциальному отцу об этом факте беременности. Тем самым российское законодательство лишило мужчин права на информирование о наступлении беременности у женщины – право сообщить об этом принадлежит только женщине [4. – С. 8].

Кроме того, в российском законодательстве отсутствует потенциальная возможность использования одиноким мужчиной средств ВРТ. Юридическая дефиниция ВРТ изложена в статье 55 Федерального закона 323-ФЗ. Указанная норма предлагает понимать технологию вспомогательной репродукции как метод лечения бесплодия, когда практически все этапы беременности от зачатия до развития эмбриона протекают в искусственно созданных условиях, а не в утробе

матери, используя для этого донорский или замороженный материал либо прибегая к услугам суррогатной матери.

О том, что ВРТ могут быть применены только лицами, состоящими в браке, речь идет и в пункте 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации². Положения статьи 55 Федерального закона 323-ФЗ порождают нарушение прав мужчин, в том числе его конституционных прав, а именно тех положений Конституции Российской Федерации, которые закрепляют равенство полов, право каждого человека на медицинскую помощь, содержат запрет на принятие нормативно-правовых актов, нарушающих права и свободы гражданина [4. – С. 8], поскольку они утверждают, что только незамужняя женщина имеет право использовать программы ВРТ, если она дала свое добровольное письменное согласие на медицинскую процедуру.

Тем не менее некоторые юристы утверждают, что существует вред от использования ВРТ в равной степени одинокими мужчинами и женщинами, так как для воспитания и развития здорового ребенка объективно требуются оба родителя. К сожалению, это не всегда возможно при определенных обстоятельствах.

Подводя итоги проведенного исследования, можно отметить, что в российском законодательстве не дано определение «репродуктивные права». Вместе с тем они образуются из отдельных правомочий, закрепленных в Конституции Российской Федерации, Семейном кодексе Российской Федерации и других нормативных актах в этой сфере. Проблема урегулирования репродуктивных прав в нашей стране заключается в том, что у нас нет эффективной системы предоставления конфиденциального образования, уведомления и поддержки, а также адекватной помощи в области сексуального и репродуктивного здоровья. Это особенно важно для подростков, когда сексуальная активность подвергает несовершеннолетних риску ранней беременности, непреднамеренного выкидыша с тяжелыми последствиями для неокрепшего организма, в том числе вызванного инфекциями, передаваемыми половым путем, включая ВИЧ, сексуальное принуждение и насилие и т. д. Еще одним камнем преткновения

¹ См.: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Статья 6724.

² См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации – 1996. – № 1. – Ст. 16.

является разница между статусом мужчины и женщины в плане доступа к процедурам ВРТ и многому другому. Для исправления ситуации в законодательстве о репродуктивных правах необходимо скорректировать правовой статус не состоящих в браке лиц и их право на использование программ ВРТ, заменить определение

«одинокая женщина» на «не состоящее в браке лицо» [5. – С. 130], чтобы нейтрализовать неидентичность прав одиноких мужчин и женщин, предоставлять эффективную и значимую информацию и просвещать граждан в области репродуктивных прав.

Список литературы

1. Балакирева К. В. Репродуктивные права гражданина Российской Федерации // Медицина и здравоохранение : материалы V Международной научной конференции. – Казань : Бук, 2017. – С. 106–109.
2. Белова Д. А. Проблемы правового статуса эмбриона // Семейное и жилищное право. – 2020. – № 3. – С. 6–8.
3. Бурдо Е. П., Гаранина И. П. Проблемы выделения института репродуктивных прав человека в российском праве // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 5. – С. 61–68.
4. Горбунова О. В. К вопросу о репродуктивных правах мужчин и женщин в России // Семейное и жилищное право. – 2018. – № 5. – С. 7–9.
5. Коваленко М. А. К вопросу о правовом регулировании репродуктивных прав в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 11–4. – С. 128–130.
6. Романовский Г. Б. Правовая охрана материнства и репродуктивного здоровья : монография. – М. : Проспект, 2016.
7. Gebhard J., Trimiño D. Reproductive Rights, International Regulation : Max Planck Encyclopedias of International Law, 2013. – P. 1–9.
8. Pizarossa Lucia Berro. Here to Stay: the Evolution of Sexual and Reproductive Health and Rights in International Human Rights Law // Laws. – 2018. – N 7 (3):29. – P. 1–17.